

© 2009 г. А.В. КАМКИН *

СЕЛЬСКОЕ ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

Богатая историография эволюции православного приходского духовенства в России дала ответ на многие вопросы его истории. Сегодня имеется достаточно ясное представление о сферах его деятельности, о том, как менялась во времени практика выборов клира, его материальное положение, как решалось законодательное определение границ сословия, как разрастались его внебогослужебные обязанности, развивались внутрисословные отношения, XVIII в. в этой связи занимает особое место. Именно тогда окончательного оформился статус приходского духовен-

---

* Камкин Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Вологодского государственного педагогического университета.

ства. По общему признанию специалистов, оно стало сословием, отличающимся корпоративной закрытостью и яркими социокультурными особенностями¹.

Северно-русское приходское духовенство (в массе своей – сельское) переживало эту эпоху в особых исторических условиях. С конца XVII в. существенно возрос контроль за приходской жизнью со стороны архиерейских кафедр. В 1682 г. были образованы Холмогорско-Важская (впоследствии Архангельско-Холмогорская) и Великоустюжская епархии. Это стало закономерным завершением длительного процесса обустройства церковного организма в регионе в полном соответствии с православными каноническими установлениями. Первые холмогорские и устюжские епископы в качестве приоритетного направления рассматривали руководство приходской жизнью, развивавшейся до того времени в условиях широкой автономии и не знавшей непосредственного архиерейского наставления. Приходское духовенство Русского Севера оказалось «между двух огней» – канонической властью епископа, существенно «приблизившегося» к приходу, и традиционным влиянием черносошной мира-общины, привычно определявшей многие стороны приходской жизни. Все это происходило на фоне угасания в XVIII в. роли и места северных монастырей, подвергнутых, как все российские обители, секуляризационным мероприятиям абсолютизма. Разумеется, все это корректировало многие из выявленных в науке общих тенденций в эволюции приходского духовенства. В данной статье я попытаюсь вскрыть и охарактеризовать общее и особенное в развитии приходского духовенства на Севере России в XVIII в. Основное внимание будет сосредоточено на том, что оказывало прямое воздействие на содержание, атмосферу и развитие прихода как духовного и молитвенно-литургического сообщества, на социальную мобильность духовенства, его взаимоотношения с архиерейскими кафедрами и крестьянскими мирами, на пути аккумуляции в рядах духовенства пастырского опыта, на моральные и деловые качества сельских клириков.

Представлю сначала численность пастырского корпуса трех северно-русских епархий – Архангельской, Великоустюжской и Вологодской. Используя данные за 1741 г., поскольку именно тогда государство провело особо строгие подсчеты («разбор») всех духовных особ и членов их семей. В тот год в Архангельской епархии насчитывалось 329 священнослужителей, в Великоустюжской – 387, в Вологодской – 871. Всего, таким образом, в трех епархиях на приходах служило 1 292 священника и 295 дьяконов². Отмечу, что в учетных документах указано еще на 122 имевшиеся священнослужительские вакансии. Следовательно, при полном укомплектовании штатов приходской клир Севера мог бы составить 1 709 священнослужителей. Напомню, что население этих территорий по второй ревизии составляло примерно 463 тыс. душ мужского пола³. Один священник, таким образом, приходился в среднем на 360 душ мужского пола (примерно 800 человек обоего пола). Через 40 лет, по четвертой ревизии (1782 г.) общее число штатных священнослужителей составило около 2 тыс. человек, т.е. выросло на 18% при незначительном приросте населения в целом по региону⁴. Очевидно, что корпус священнослужителей рос быстрее, чем население, что соответствовало новым задачам, вставшим перед приходским клиром в XVIII в.

В указанных расчетах непросто отделить городских священников от сельских. Во-первых, потому, что ряд городских приходов, как правило, включал в себя пригородные деревни и села, а, во-вторых, немногочисленные северные посады (за исключением, может быть, Вологды, Великого Устюга и Архангельска) по образу жизни и преобладающему типу деятельности мало отличались от остального аграрного сообщества региона. Поэтому, если вычесть из общей массы приходских священнослужителей число городских священников, то общая картина мало изменится.

Поставлю вопрос иначе – какова доля духовенства в массе сельского населения? Я провел подсчеты по семи уездам региона. Но в отличие от предыдущих расчетов, исчисление доли сословия потребовало включить сведения не только о действующих священнослужителях, но и о церковнослужителях, а также членах их семей. Получилось следующее: в 1779 г. в Великоустюжском уезде на 98 тыс. сельских прихожан насчитывалось 1834 лица, относящегося к духовному сословию, что составило 1.8% сельского населения. В Тотемском уезде на 26 тыс. сельских прихожан приходилось 439 лиц духовного сословия (1.7%), в Сольвычегодском – на 10 тыс. – 149 человек (1.4%); в Яренском – на 52 тыс. – 1 015 человек (1.9%); в Лальском – на 17 тыс. – 224 человек (1.3%). В 1790 г. в Красноборском уезде – на 43 тыс. приходилось 668 человек (1.3%), в Холмогорском – на 30 тыс. – 628 человек (2%)⁵.

Границы духовного сословия в XVIII в., как известно, длительное время оставались размытыми. Окончательное их определение относится к периоду III ревизии и секуляризации. К 1770-м гг. из духовного сословия окончательно были «изгнаны» оставшиеся без места церковнослужители с детьми, а также все «великовозрастные» и «безместные» дети священнослужителей. Синод запретил также определять к церквям лиц из подушного оклада. Принято считать, что в этих усло-

виях для духовного сословия стала характерна замкнутость и закрытость его рядов. Однако эта тенденция, в целом для эпохи, безусловно, доминирующая, на Европейском Севере России получила ряд особенностей. Так, например, там систематически продолжался значительный отток лиц из духовного сословия в крестьянство.

Приведу конкретные примеры. Материалы по Тотемскому уезду за 1736 г. показывают следующее. В Преображенской церкви Стрелицкой волости один из сыновей умершего священника остался без места и был «записан и положен в подушный оклад в крестьянство». В Предтеченской церкви Векшенского улуса лишь один из сыновей служившего священника получил место, а трое других, не имея там никаких ближайших перспектив, «положены в подушный оклад в крестьянство». В Никольской церкви Чаловского улуса старший сын священника «положен в подушный оклад в крестьянство», братья тамошнего дьячка – так же, причем один из них был взят в рекруты. В Никольской церкви Печенгской волости двое детей умершего священника, оставшись без места, «положены при генеральной переписи в подушный оклад той же ... волости в крестьянство», а вместе с ними и их семеро сыновей. В Воскресенской церкви Куловской волости должность дьячка исполнял 17-летний сын умершего дьячка «без указа по выбору мирских людей», а его 26-летний брат «положен в подушный оклад в крестьянство». В Покровской церкви Устья-Печенгского из четырех сыновей священника двое исполняли церковнослужительские должности, один был еще мал (9 лет), а один (28 лет) был «положен в подушный оклад в крестьянство» и т.д.⁶

Всего в 45 церквях только в 1736 г. положено в «подушный оклад в крестьянство» 14 детей священников и 9 детей причетников. В 1738 г. в ожидании очередного «разбора» в пределах Архангельской епархии из семей духовенства «выбыло в дома помещиков, на фабрики и в подушный оклад» 114 человек⁷.

Так ли уж велик этот отток? Если сопоставить его с общей массой духовного сословия, то приведенные выше цифры составят 34% и 18% от совершеннолетних детей клириков. Однако какими бы значительными не показались эти факты, нужно иметь в виду, что часть записавшихся в подушный оклад фактически оставалась на службе в церкви, продолжая исполнять обязанности дьячков и пономарей. И все же, если к этому оттоку добавить нередкие браки поповских, дьяческих и пономарских дочек с крестьянскими сыновьями, то общая картина сохранявшегося родства сельского духовенства с крестьянством очевидна. В условиях Европейского Севера, при его малых и редких городах избытки духовного сословия до поры до времени в значительной степени поглощало крестьянство. Впоследствии, в связи с увеличением количества присутственных мест по реформе 1775 г., часть этого избытка поглощалась местным бюрократическим аппаратом.

Параллельно шел и встречный процесс. Черносошные миры продолжали, в отличие от центральных уездов России, и в XVIII в. выдвигать кандидатов в священство и в причетники из своих рядов. В том же Тотемском уезде в 45 церквях 3 священника, 6 дьячков и 3 пономаря, будучи штатными, «действительно служащими», тем не менее, были записаны в подушный оклад и числились крестьянами. В 17 Сольвычегодских церквях также записан один священник, находившийся в подушном окладе⁸. Эта практика продолжалась на Севере и позднее. В 1766 г. правительству стало известно, что в Устюжской епархии с 1747 г. в ущерб подушному платежу пострижено в монахи и посвящено в священный и церковный чин 139 человек из черносошных государственных крестьян, от чего произошла даже путаница в сборах. Местному губернатору и архиерею было велено прислать объяснения. Попутно Синод потребовал ведомости о посвященных из оклада по всем епархиям и разослал всем архиереям указы впредь из податного состояния никого не постригать и не посвящать⁹. Однако через 3 года Архангельский губернатор Головцын донес о пострижении и посвящении в его губернии еще большего числа крестьян – 389 человек. Указ потребовал продолжать взимать с них положенные сборы, не взирая на посвящение и пострижение¹⁰. Примечательно, что северные церковные власти смотрели на этот встречный поток более спокойно, чем светские, и в ряде случаев воспринимали его как неизбежный.

Известно, что к XVIII в. широкое распространение получила практика наследственного замещения священно- и церковнослужительских мест. Акцент на принципе наследственности был сделан и в Духовном Регламенте 1721 г. Он официально санкционировал сочетание выборности и наследственности при заполнении вакантных мест в приходах. Так вполне естественным образом складывалась в приходах своего рода «семейственность».

Вновь обращусь к конкретным фактам. В 1736 г. в Никольской церкви Усть-Стрелицкого прихода Тотемского уезда служил многодетный священник, здесь же пономарил его 23-летний сын, а 18-летний сын исполнял должность дьячка. Больше в штате этой церкви никто не значился. В Никольской церкви Ихалицкого улуса того же уезда служили три брата: старший – священ-

Перемещения среди приходских священников с 1745 по 1755 гг.

Епархия и уезд	Общее число клириков, оставивших свои места	Из них по причине				
		смерти	старости	вдовства	перехода в другой приход	отстранения за проступки
Вологодская	54	30	2	16	6	
Архангельская	39	19	2	12	5	1
Итого	93	49	4	28	11	1
		52.9%	3.8%	30.2%	11.8%	1.2%

Составлено по: Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. 496, оп. 1, д. 1929; Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 1, оп. 1, д. 3827.

ником, младшие (28 и 25 лет) – дьячком и пономарем. В Никольской церкви Толшемской волости (тот же Тотемский уезд) служил 60-летний пономарь, его сын там же являлся священником; в свою очередь, 20-летний сын священника был дьячком, а поскольку глава династии – вышеуказанный пономарь – был уже стар, то его должность «за старостью отца» исполнял самый младший 16-летний сын. В Воскресенской церкви Ракульской волости Двинского уезда в 1755 г. священнодействовал Василий Иванович Попов, а его брат Андрей исполнял пономарскую должность. В Вондокурской Георгиевской церкви (там же) служил священником Андрей Петров 28-ми лет, а его 19-летний брат Алексей состоял там же пономарем; в том же храме священником был их отец¹¹.

Такие примеры можно привести по любому из уездов Севера. Так, по моим подсчетам, в родственных связях находились штатные священно- и церковнослужители в Вологодском уезде в 30% сельских приходов (1723 г.), в Тотемском уезде – в 38% сельских приходов (1736 г.), в Динском уезде – в 28% сельских приходов (1745 г.)¹².

Складывались многопоколенные династии священно- и церковнослужителей в одном и том же приходе. С начала XVIII в. служил в Сретенской церкви Прилуцкой волости дьячок Лаврентий Уваров. В 1755 г. он был записан в штатах этой церкви, будучи уже 76-летним. Имел двух сыновей – Степана и Козьму. Еще при жизни отца Степан стал священником в том же храме, позднее служил там в священном сане и Козьма. Оба они также имели сыновей, о которых исповедные книги 1793 г. сообщают, что Павел Степанович служил священником, а Степан Козьмин – дьячком. Так в течение столетия три поколения Уваровых, сменяя друг друга, служили в одном Прилуцком приходе¹³. С 1720-х гг. в Быстрокурском приходе служил пономарь Иван Степанов Красов, имевший шестерых сыновей. Четверо из них встали на путь церковного служения. В 1755 г. двое обучались в славяно-русской школе, один уже был рукоположен в священный сан и служил в Куростровской волости, а четвертый – Егор – в 1753 г. в возрасте 22-х лет стал служить в родном Быстрокурском приходе на отцовском месте. Через 40 лет на той же должности служил его сын Сергей¹⁴.

В Двинском уезде в период с 1745 по 1755 гг. передача церковных мест по наследству произошла в 42 приходах из 90, по которым сохранились сведения¹⁵. В Тотемском уезде в 1736 г. факт передачи должности по наследству зарегистрирован в 23 приходах из 45¹⁶. Не менее выразительны данные за 1755 г. по группе церквей Вологодского уезда: из 37 вновь рукоположенных священников 26 происходили из детей клириков того же прихода, из 117 новых причетников таковых было 74¹⁷.

Важным условием пастырской деятельности была стабильность клира, ибо священник должен был вести по жизни своих духовных детей от рождения до зрелости и кончины. Правила 1667 г. напоминали епископам – «священникам остаться по смерти свою там, где посвящены»¹⁸. Получив место, приходской клирик XVIII в. служил на нем, как правило, всю жизнь. Об этом говорят и наблюдения за отдельными приходами, и общая статистика (см. табл. 1). Очевидно, что лишь 13% перемещений сельских священников было вызвано административным вмешательством (перевод, запрещение священнодействовать). Все остальные объяснялись естественными причинами – смерть, дряхлость, вдовство. В последнем случае овдовевший священник или диакон был обязан принять монашеский постриг, или же – полностью прекратить какие бы то ни было богослужения и исправления треб. В течение года специальной грамотой ему позволялось

Перемещения среди приходских причетников с 1745 по 1755 гг.

Епархия	Общее число оставивших свои места	Из них по причине							
		смерти	старости	вдовства	перевода в другой приход	возведения в священный сан	отстранения за проступки	отлучки	перевода в подушный оклад
Вологодская (по материалам 95 приходов)	66	28	23	4	3	4	2	2	–
Архангельская (по материалам 72 приходов)	35	21	3	–	3	4	2	–	2
Итого	101	49 48.5%	26 25.7%	4 3.9%	6 5.9%	8 7.9%	4 3.9%	2 2.1%	2 2.1%

Составлено по: ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 1929; ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 3827.

священнодействовать, за это время он обязан был решить судьбу своих детей и близких, распорядиться об имуществе и подготовиться к постригу.

Так же обстояли дела и в младшем клире – среди причетников. В отличие от священнослужителей, у них возникало больше возможностей для смены деятельности (см. табл. 2): возведение в священный сан, переход на канцелярскую работу и др. Однако и здесь львиная доля перемещений была вызвана лишь естественными обстоятельствами – старостью, вдовством, смертью (78%), посвящением в сан (около 8%). И лишь 12% перемещений причетников было вызвано административным регулированием (перевод, отстранение, перевод в подушный оклад). Таким образом, и в младшем клире доминировала обстановка стабильности и долголетнего, пожизненного служения на одном месте.

«Семейственность» и династии в деревенском клире с пониманием воспринимались окружающим крестьянским миром. Помощь сыновей отцу-священнику или отцу-дьячку при богослужении и требах как бы гарантировала точность и полноту передачи знаний и навыков новому поколению. При отсутствии духовных учебных заведений такая преемственность компенсировала недостаток специального образования, а после возникновения семинарий корректировала итоги образования. В крестьянских обычаях вообще было нормой, если дети продолжали дело отцов и по мере взросления включались в различные формы их деятельности. Дети священника продолжали служить при храме, сыновья кузнеца, плотника, рыбака становились кузнецами, плотниками, рыбаками. В этом был определенный порядок, понятный всему деревенскому сообществу, и сближавший жизненный круг крестьянина и сельского священника, паству и пастыря.

Преемственность пастырских обязанностей, многолетнее и многопоколенное служение на одном приходе были сродни самому понятию «пастырства», т.е. своеобразного отцовства, родства прихожан. Эта близость сохраняла обстановку доверия и позволила духовенству (в широком смысле – Церкви), постепенно включать все новые и новые стороны жизни народа в сферу влияния фундаментальных ценностей христианства. Вместе с тем этой близости было уже недостаточно для решения задач, поставленных XVIII в. (проповедничество, катехизация, душепопечительство и т.д.). Требовалось, чтобы сельский священник стал в чем-то выше крестьянской массы, как бы впереди нее. На достижение этих целей было направлено и развертывание системы духовного образования, и жесткая регламентация деятельности духовенства, и более четкое оформление его сословных границ в обществе.

К концу столетия установившаяся традиция сочетания выборности с наследственностью была заметно разрушена. Это произошло после того, как в полную меру развернули свою деятельность Вологодская, Великоустюжская и Архангельская семинарии, учащиеся которых постепенно освобождались от избрания прихожанами. Правящие архиереи имели право довольствоваться лишь аттестацией со стороны семинарского начальства. Вот почему к началу XIX столетия священники очень часто рукополагались и переводились с места на место без какого-либо выбора прихожанами. Волей-неволей и северное приходское духовенство (как и все российское духовенство в целом) приобретало признаки бюрократического сословия. В его рядах возникали ос-

нования для карьеристских устремлений, поисков более престижных и доходных мест и тому подобным ориентиров, приличествующих более чинам гражданским, нежели духовным. В числе деловых качеств пастыря светское законодательство, столь активно и решительно вторгнувшееся в духовную сферу, называло его «ученость». Не ставить «неученых» – первое требование Духовного Регламента. Сначала понятие «учености» не противостояло традиционным представлениям. Любому кандидату в священный сан полагалось устанавливать испытательный срок, в период которого происходило его обучение уставному богослужению, исполнению таинств и исправлению треб.

Нужно отметить, что законодательство в данном случае лишь подтверждало и делало обязательной практику, которая и без того была широко распространена на Севере, особенно после создания там новых церковных центров. Так, например, еще холмогорский архиепископ Афанасий установил следующий порядок обучения будущих пастырей¹⁹. Кандидат в священники, имевший на руках документ об избрании его прихожанами, по прибытии в архиерейскую резиденцию подвергался особому рода испытанию – «был у слушания» (проверяли знание основ веры, молитв, умение читать и петь, состояние здоровья). Если «слушание» завершалось благополучно, то кандидат исповедовался у крестового иеромонаха. В случае, если открывшиеся на исповеди грехи прощались и кандидат признавался достойным священства, архиерей совершал акт рукоположения. Но этим дело не завершалось – новорукоположенному иерею предстояло пройти «научение». Оно проводилось специально определенным для этого опытным священнослужителем. Чаще всего – при архиерейском доме, иногда позволялось «научаться» у десятского священника, заказчика, протопопа. Лишь после этого начинающий пастырь получал ставленную грамоту.

Но уже с 1720–1730-х гг. в эту систему церковные и светские власти стали вносить большие новации. Духовный Регламент потребовал от каждого кандидата в священники пройти через обучение в архиерейских школах. В каждой епархии предписывалось учреждать школы для детей священно- и церковнослужителей. В 1724 г. такая школа была открыта в Вологде, в 1725 г. – в Великом Устюге. Однако очень скоро они были закрыты под различными предлогами²⁰.

В 1729 г. епископ Вологодский и Белозерский Афанасий (Кондоиди) положил начало славяно-латинской архиерейской школе, переросшей впоследствии в духовную семинарию. С 1739 г. семинария стала делиться на два отделения – славяно-русское и славяно-латинское. В первом, где обучались читать и писать по-русски, и во втором, состоявшем из классов грамматики и риторики, в общей сложности насчитывалось от 80 до 100 учеников. В 1749 г. из Вологодской семинарии были посланы в Москву для получения высшего образования в Академии 3 воспитанника, которые в 1751 г. окончили курс обучения, что, в свою очередь, позволило открыть в семинарии философский класс²¹. В нем на латинском языке изучались диалектика, физика, психология, метафизика. В 1753 г. в классе обучалось 11 человек²². Постепенно семинария разрасталась. Здесь складывалась значительная библиотека, объединявшая как богословскую литературу, так и сочинения Цицерона, Вергилия, Овидия, Цезаря, Тита Ливия, Гомера. Хранились книги исторического содержания, словари, энциклопедии. В 1778 г. был введен высший из всех семинарских классов – богословский. К этому времени наметился переход к преподаванию богословия на русском языке. В 1781 г. число учеников достигло 500²³.

В 1738 г. начала действовать семинария в Великом Устюге. Высших классов в ней не было. К 1760-м гг. там оформилось семь классов – славянорусский, фарический, инфимический, грамматический, синтактический, пиитический и риторический. Число учащихся в семинарии порой достигало 200. В 1788 г. в связи с ликвидацией Великоустюжской епархии семинария закрылась. Вместо нее осталось училище с таким же кругом предметов²⁴. В 1723 г. холмогорский архиепископ Варнава основал училище для образования «духовного юношества», которое первоначально помещалось прямо в архиерейском доме. В нем преподавалась славянская грамматика, церковный устав, пение и чистописание. Обучалось 39 человек. В начале 1730-х гг. архиепископ Герман (который, будучи ректором Московской Духовной академии, принял в ее ряды холмогорца Михаила Ломоносова) переименовал училище в славяно-латинскую школу, с 1739 г. она была преобразована в семинарию. В 1762 г. там обучалось 276 человек²⁵.

Безусловно, училища и семинарии способствовали подъему уровня общей подготовки местного духовенства. В них давалось систематическое гуманитарное образование. Был избран в принципе правильный путь – до изучения богословия дать будущим служителям Церкви широкую общекультурную и общеобразовательную подготовку. Вместе с тем уже тогда ощущались крупные недостатки в подготовке священников. Ни в народе, ни в среде духовенства не могли представить, для чего будущему православному пастырю нужно много лет учить латынь, когда и греческий, к которому более всего тяготела православная ученость, был роскошью.

Вместе с тем на Русском Севере в течение длительного времени сохранялось так называемое параллельное обучение. Для уже рукоположенных и служащих священников и причетников Устюжской епархии в ее периферийных центрах, например, в Яренске в 1740–1760-е гг. существовал своего рода региональный центр по обучению катехизису при заказном дворе (впоследствии – при Духовном правлении), куда по специальной разнарядке вызывались священно- и церковнослужители для обучения и экзамена, о чем составлялась соответствующая ведомость²⁶.

В Холмогорской епархии архиепископ Варсонофий, считая усиленное многолетнее занятие латынью пустой тратой времени, охладел к семинарии и предпринял попытку создать в епархии несколько центров обучения кандидатов в священники – в Холмогорах, на Соловках, в Емце, Кевроле, Лампоженской слободке на Мезени, в Пустозерске, Шенкурске и Верхояжье. Труд по обучению предполагалось возложить на местных наиболее подготовленных священников. В целом такой проект был в известном смысле приближением обучения к практическим нуждам пастырей, хотя и грозил снижением сравнительно неплохой общегуманитарной подготовки, утвердившейся в семинариях. Свернуть деятельность семинарии Варсонофию не позволили, но определенные шаги по прорыву из царства схоластики к живому православию в процессе подготовки пастырей он сделать попытался²⁷.

Под нарастающий контроль светской и церковной власти начинали ставиться грамотность и уровень образованности приходского клира. От каждого священника требовалось, чтобы он в домашних условиях обучил своих сыновей в возрасте от 7 до 10 лет «славяно-русской грамоте, Букварю со всеми его поучениями и катехизисной частью, Часослову, Псалтыри и скорописанию». В 1730–1740-е гг., когда северно-русские семинарии еще только разворачивали свою деятельность, синодальные и епархиальные проверки грамотности детей духовенства показывали, что необученных этому объему знаний в возрасте от 7 до 20 лет оказалось: в Великоустюжской епархии – 17,6%, в Вологодской – 9,4, в Архангельской – 0,9%. Этим «необученным», как правило, грозил перевод в податные сословия, а лучшие из «обученных» направлялись на обучение в три местных семинарии (в Вологде, Великом Устюге, Архангельске). Таким образом, еще до поступления на обучение будущие пастыри получали определенную домашнюю подготовку в русско-старорусской православной учености, по-прежнему сближавшей пастырей с паствой.

Духовный Регламент определил по отношению к пастырям целый ряд требований морально-этического и делового характера: не быть пьяницей, ленивым, клеветником, сварливым, любодейцем, убийцей, вором и обманщиком. Об этом должно было быть записано в свидетельстве от прихожан, с которым приезжал избранный кандидат на рукоположение. Там же говорилось и о том, что будущий пастырь не должен использовать свое служение в корыстных целях, торговаться с прихожанами по поводу платы за исправление треб, всюду вести себя благочинно: скромно одеваться (но чисто и не по-нищенски), не посещать кабаки, не участвовать в кулачных боях, не ходить простоволосым, предпочитать темную, лучше черную одежду и т.д.²⁸

Местные епископы неустанно дополняли и конкретизировали эти требования. Архиепископ Афанасий особо предостерегал духовенство от пьянства и табакокурения: «аще бо язычницы невернии винопицы и табакопицы ненавидят и гнушаются, и вельми наказуют, коль ми паче нам христианам подобает от проклятого пьянства и шкаредомерзкого и злосмрадного табакопиства гнушаться и отберегати»²⁹. Любители чрезмерно выпивать выслались в Холмогоры, к архиерейскому дому, где «смиряться внешним наказанием без пощады», а порой ссылались на покаяние в монастыри. В 1748 г. епископ Вологодский Варлаам разослал по епархии циркуляр о сохранении благочиния духовенством. Среди грубых нарушений пастырского облика епископ назвал ношение священнослужителями грубых сермяжных и разодранных одежд. За многие отступления от благочиния было назначено одинаковое «наиболее жесточайшее телесное наказание»³⁰. Архиепископ Варнава в своих посланиях требовал от пастырей всегда являть собою «образ чистого жития», а его предшественник по холмогорской кафедре Сильвестр перечислял: дабы «не держали священники по домам своим заторных лиц и ловами и стрелянием зверей не забавлялись бы», «по кабакам священники дабы не ходили и не заседали» и т.п.³¹

Конечно, действительный облик сельских пастырей не всегда соответствовал названным идеалам. Архивы консисторий сохранили немало дел, связанных с неблагоприятным поведением духовенства. Для исследователя есть соблазн поддаться впечатлениям, возникающим при их чтении, и представить сельское духовенство погрязшим в пьянстве, драках и конфликтах. Это очень опасный и ложный путь, ибо «источники таковы, что исследователь может оказаться в ловушке», поскольку откладывались и хранились именно конфликтные дела и «легко впасть в искушение, объявив их нормой»³².

Между тем, сам факт постоянного контроля за моральным обликом, бытовым и общественным поведением духовенства в значительной степени свидетельствует о том, что Церковь непрерывно самоочищалась. Пожалуй, ни одно российское сословие так жестоко не контролировалось с этой стороны, как приходское духовенство, ни к одному из них не предъявлялись столь высокие требования. Церковь всегда давала своим служителям надежду на исправление и, наказывая, чаще всего не отвергала и не изгоняла. Порой к этому вынуждали и специфические обстоятельства. Так, например, в 1760-е гг. в Синоде неоднократно рассматривались доношения на неблаговидное поведение священника Кольского собора, заказчика местного духовного правления Иоанна Шабунина (дрался, вымогал деньги за требы, ссорился с комиссаром Кольского острога и т.д.). Однако наказание ограничивалось лишь штрафом. Дело в том, что удалить Шабунина из Колы оказалось делом невозможным. Его приход был удаленным и желающих ехать туда среди священников не находилось, других же священников там не имелось, а его отец, тоже священник, был уже старым и больным. К тому же было у династии Шабуниных весьма ценное деловое качество, которое с лихвой перекрывало недостатки – они хорошо знали «лопарский язык»³³. А для пастырской деятельности на окраинах Севера это было чрезвычайно необходимо.

Кстати, об этом всегда заботились местные архиереи. Устюжский епископ Гавриил в 1740-е гг. отмечал, что в подведомственном ему Яренском уезде особая обстановка. Здесь можно искать ставленников только из внутренних резервов, так как пастыри должны знать два языка. Этим он оправдывал и продолжение практики рукоположений грамотных крестьян уезда³⁴.

Усиливался и взаимный контроль пастырей и паствы за поведением и нравственным обликом. И чем больше возникало отличий в образе жизни, образовании и общественно-правовом статусе клира от крестьянства, тем пристальней становился этот контроль. И если шукозерского священника Холмогорской епархии раздражали свадебные обычаи прихожан («шум, свары, смех производят и срамные речи...», в вечерах по темень при дворах у ворот раскладываются огнища необычные..., что страшно и к тому двору приступиться, а соцкие и десятиские и старики детей своих не укликают и им во всем потакают»³⁵), то и прихожане готовы были порой указать на поведение, не соответствующее должному облику пастыря. И, тем не менее, возможности сторон в этом взаимоконтроле меняются, поскольку приходской клир напрямую обзывался теперь регулярно и письменно информировать свои епархиальные власти о поведении прихожан. Такой контроль за духовенством признавался правом отцов благочинных.

В консисториях велись специальные ведомости «за различные вины» оштрафованных клириков. В 1798 г., например, таковых по всей Вологодской епархии оказалось 26 человек: 8 священников, 6 дьяконов и 12 дьячков и пономарей. Большая часть из них была наказана направлением на принудительные работы в монастырь «за обращательство по часту в пьянстве, будучи во оном соблазнительные поступки и неотправление мирских треб»³⁶. При этом не зафиксировано ни одного случая жалоб прихожан. Все провинившиеся были наказаны по донесениям благочинных или явочным членотипиям своих же коллег-клириков. Невзыскательная деревенская паства всегда была готова простить человеческие слабости своему «батюшке», если в своих основных делах он был усерден и незлобив с людьми.

Подведу некоторые итоги. Церковная политика государства в XVIII в. внесла, как известно, немало нового в статус приходского духовенства. В ее реализации на Русском Севере наглядно проявляются две противоречивые тенденции. С одной стороны, светские и епархиальные структуры настойчиво отделяли приходского священника от крестьянской массы, «закрывая» духовное сословие, бюрократизируя его, накладывая на него множество новых обязанностей, обучая его иначе и иному и т.д. Крестьянские же сообщества и само приходское духовенство находили средства «гасить» или ослаблять этот нажим, сохраняя выдвижение крестьянства на священнослужение, обеспечивая многопоколенное служение на одном приходе, придавая домашнему обучению не меньшую значимость, чем семинарскому и т.д. Это противодействие способствовало более гибкой и менее болезненной эволюции духовного сословия в регионе. Приходское сообщество находило при молчаливом согласии пастырей средства для нейтрализации или ослабления нарастающей тенденции к огосударствлению и бюрократизации церковной жизни.

Примечания

¹ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873; Папков А. Упадок православного прихода (XVIII–XIX вв). М., 1899; Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990; Камкин А.В. Православная церковь на Севере России. Вологда, 1992; Миროнов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в). Т. I. СПб., 1999; Стефанович П.С.

- Приход и приходское духовенство в Русской церкви. XVIII–XIX вв. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 267–275; и др.
- ² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 18. Пг., 1915. Стб. 1215–1228, 1259–1262, 1375–1378.
- ³ Колесников П.А. Северная Русь (XVIII столетие). Вологда, 1973. С. 157–168.
- ⁴ Там же. С. 169–182.
- ⁵ Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. 496, оп. 19, д. 390; Филиал ГА ВО в г. Великий Устюг, ф. 363, оп. 1, д. 4013; Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 29, оп. 29, д. 9.
- ⁶ Филиал ГА ВО в г. Великий Устюг, ф. 363, оп. 1, д. 392, л. 10–12, 14 об. 16–17, 21, 26–26 об., 27 об.
- ⁷ Там же; Описание документов и дел .... Т. 19. СПб., 1913. Стб. 105.
- ⁸ Филиал ГА ВО в г. Великий Устюг, ф. 363, оп. 1, д. 514.
- ⁹ Там же, д. 1104, л. 103–124; Описание документов и дел ... Т. 50. Пг., 1915. Стб. 33–34; Знаменский П. Указ. соч. С. 105.
- ¹⁰ Знаменский П. Указ. соч. С. 106.
- ¹¹ Филиал ГА ВО в г. Великий Устюг, ф. 363, оп. 1, д. 302, л. 1–41; ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 3827, л. 103 об.–104, 110 об.–111 и др.
- ¹² ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 754; Филиал ГА ВО в г. Великий Устюг, ф. 363, оп. 1, д. 302; ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 3827.
- ¹³ ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 3827, л. 106 об., 107; ф. 29, оп. 29, д. 9, л. 328.
- ¹⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3827, л. 27 об.–29; ф. 29, оп. 29, л. 138.
- ¹⁵ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3827.
- ¹⁶ Филиал ГА ВО в г. Великий Устюг, ф. 363, оп. 1, д. 302.
- ¹⁷ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 1929.
- ¹⁸ ПСЗ-I. Т. 1. № 412.
- ¹⁹ Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908. С. 375–377.
- ²⁰ Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. С. 53–188.
- ²¹ Там же. С. 425.
- ²² Смирнов А.В. Очерк истории просвещения и школы в Вологодской области в XVIII веке // Ученые записки Вологодского пединститута. Т. 25. Вологда, 1959.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Архангельские епархиальные ведомости. 1890. № 13. Часть неофициальная. «Из памятной книги Архангельской духовной семинарии».
- ²⁶ ГА АО, ф. 29, оп. 27, д. 6, л. 138–139.
- ²⁷ Знаменский П. Духовные школы ... С. 177–178; ГА АО, ф. 1025, оп. 5, д. 1272, л. 31–34.
- ²⁸ ПСЗ-I. Т. 18. № 13326.
- ²⁹ Верюжский В. Указ. соч. С. 456.
- ³⁰ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 737, л. 10 об.
- ³¹ Там же, ф. 1025, оп. 5, д. 38, л. 2 об.; оп. 3, д. 32, л. 4 об.
- ³² Зольникова Н.Д. Указ. соч. С. 7.
- ³³ Описание документов и дел ... Т. 50. Стб. 227–229.
- ³⁴ Описание документов и дел ... Т. 19. Стб. 103.
- ³⁵ ГА АО, ф. 1, оп. 1, д. 13460, л. 2.
- ³⁶ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 4646.